

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (Исаакьевич)¹ (род. 11.12.1918, Кисловодск), прозаик, поэт, драматург, историк, публицист и обществ. деятель, академик РАН (1997). Со стороны отца происходит из старинной крест. семьи, поселившейся на Ставрополье. Его дед, Семен, с 4 сыновьями и дочерьми обрабатывал средних размеров хутор. Мл. сын Семена – Исаакий учился в Харькове, а затем в Москве, ушел добровольцем на фронт, где был награжден за храбрость. Летом 1917 отец С. женился на Таисии Щербак, но после возвращения домой был ранен на охоте и умер 15.6.1918 за 6 мес. до рождения С.

В 1924 Таисия с сыном поселилась в Ростове-на-Дону, где С. посещал занятия в школе, вступил в ВЛКСМ. В 1936 поступил на физ.-математич. ф-т Ростовского ун-та. Тяга к умственной самостоятельности и обостренный интерес к дорев. прошлому семьи, в к-рой хранили память о прежней, непохожей на советскую, жизни, рано подвели С. к замыслу большой книги (по образцу «Войны и мира» Л.Н. Толстого) о 1-й мировой войне и рев-ции, одним из героев к-рой мыслился его отец. Продолжая учебу, в 1939 С. поступил на заочное отделение Моск. ин-та философии, лит-ры и истории. В эти годы сложились ведущие жизненные и творч. принципы С.: ориентация на доминирование и публич. успех (ред. факультетской газеты и сталинский стипендиат), вера в собственную правоту, значит. гибкость и умение маскироваться. На это накладывались воспитанные в семье консервативность и традиционализм. Это сочетание консерватизма и бунта у С. проявится позднее не только в лит. творчестве, но и в полит. высказываниях. Например, вместе с разрешением на публикацию «Архипелага ГУЛАГа» – книги-обвинения коммунистич. строю – было отправлено «Письмо вождям» с прагматич. попыткой мирно договориться.

После окончания в 1941 физмата С. преподавал астрономию и математику в Морозовке (севернее Ростова-на-Дону). 18.10.1941 мобилизован в армию, прошел боевой путь от простого солдата до капитана арт. группы разведки, закончив войну в Вост. Пруссии. За боевые заслуги С. был награжден орденами Отеч. войны 2-й степени (за освобождение Орла) и Красной Звезды (за взятие Бобруйска). Годы войны стали началом лит. творчества С.: в 1943 он написал свой первый рассказ «Лейтенант». Последние фронтовые впечатления – выход из окружения в Вост. Пруссии в янв. 1945 – нашли отражение в написанных в 1951 в лагере поэме «Прусские ночи» и пьесе «Пир победителей», а позднее были использованы в «Августе Четырнадцатого» при описании гибели армии генерала А.В. Самсонова, в рядах к-рой служил отец С.

Но в начале 1945 переписка С. со школьным другом Н. Виткевичем, где они откровенно писали о своих «полит. негодованиях», зашифровывая В.И. Ленина «Вовкой», а И.В. Сталина – «Паханом», попадала в руки воен. контрразведки. 9.2.1945 С. был арестован, а 27.7.1945 приговорен Особым совещанием (ОСО) НКВД к 8 годам исправительно-трудовых лагерей (по 58-й статье пункт 10, часть 2 и пункт 11 УК РСФСР). Но даже после ареста путь в Москву представлялся С. в фантазиях, так, что его мыслями заинтересовались «наверху». К моменту ареста взгляды С. в целом не противостояли официал. идеологии, но в первые же годы заключения С. освободился от влияния марксизма и начал длительную и медленную эволюцию вправо. «Лагерь самым радикальным образом обезглавливает коммунизм. Идеология там полностью исчезает. Остается, во-первых, борьба за жизнь, затем открывается смысл жизни, а затем Бог», – говорил С. журналу «Ле Пуэн» в дек. 1975 (Цит. по: Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 322–323). С. побывал в моск. лагерях (в т.ч. в Марфинской «шарашке», или «Спецтюрьме № 16») и на «общих работах» в Экибастузе (Казахская ССР), где принял участие в Экибастузской «смуте» в кон. янв. 1950. Сразу после бунта, 12.2.1950 лагерный хирург удалил у С. злокачественную опухоль, а уже 26 февр. его выписали из больницы. Лагерная жизнь стала временем наиболее серьезного переосмысления сложившихся взглядов С. Растерянный на следствии, чуть было не подведший под угрозу тюрьмы своих школьных товарищей, со временем он стал, по его словам, «бронированным лагерником», следующим девизу «Не верь, не бойся, не проси».

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. Солженицын Александр Исаевич // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия* / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 517-523.

Эту идентичность С. не только осознал и принял, но и внес соответствующие установки в свое творчество. Впечатления от лагеря в Новом Иерусалиме, затем от работы заключенных в Москве (стр-во дома у Калужской заставы) легли в основу пьесы «Республика труда» (первоначальное название «Олень и шалашовка»), написанной в 1954. Марфинская «шарашка» позднее была описана в романе «В круге первом», а опыт «общих работ» в Экибастузском лагере воссоздан в рассказе «Один день Ивана Денисовича».

В февр. 1953 С. был освобожден из лагеря и направлен на «вечное поселение» в аул Кок-Терек Джамбульской обл. Казахской ССР. Однако осенью 1953 болезнь обострилась (опухоль в желудке), и в 1955 ему разрешили выехать в Ташкент, где он провел несколько мес. в больнице. В день выписки из больницы им была задумана повесть о страшном недуге – будущий «Раковый корпус».

С. был освобожден Верховным Судом СССР в июне 1956 «за отсутствием в его действиях состава преступления», а реабилитирован решением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 6.2.1957. В июне 1956 переехал в Москву, затем в Ростов, где получил назначение учителем физики в сельск. школу поселка Торфопродукт, снял комнату у героини будущего рассказа «Матренин двор» Матрены Захаровой в деревне Мильцево. В 1957–59 С. вместе с женой Натальей Решетовской и тещей поселился в Рязани, где работал над «Кругом первым» и над сценарием «Знают истину танки», пьесой «Свеча на ветру» (1960). В 1959 за 3 недели был написан рассказ «Щ-854 (Один день одного зэка)» (с легкой руки А.Т. Твардовского получил назв. «Один день Ивана Денисовича»), который в 1961 через товарища по Марфинской «шарашке» литературоведа Л.З. Копелева был передан в журнал «Новый мир», где с ним познакомился Твардовский. В окт. 1962 г. после долгих переговоров с властями Твардовский получил разрешение Н.С. Хрущева и опубликовал в № 11 «Нового мира» «Один день Ивана Денисовича», после чего С. сразу стал знаменитым. Он был представлен Хрущеву, и в том же месяце «Правда» опубликовала отрывок из рассказа «Случай на станции Кречетовка». В 1963 в «Новом мире» напечатаны «Матренин двор», «Для пользы дела» и «Случай на станции Кречетовка».

Выдвинутый на Ленинскую премию и поощряемый вниманием огромной читательской аудитории, С. переживал творческий подъем: он начинал работу над «Архипелагом ГУЛАГ», «Раковым корпусом», романом о рев-ции 1917 («Р17» или «Красное колесо»), «чистил» для возможной публикации «Круг первый». Но его кандидатура на Ленинскую премию отклонена, что стало одним из признаков близкого падения Хрущева, покровительствующего С.

Приход к власти в окт. 1964 «нового рук-ва» во главе с Л.И. Брежневым для С. означал, что его «врастание» в сов. лит-ру и обществ. жизнь закончилось. Арест семейного архива органами гос. безопасности в сент. 1965 окончательно лишил С. шансов на позитивное инкорпорирование в легальные структуры коммунистич. режима и влияние на них изнутри. И тут еще один удар – представлявшийся ему основным конкурентом в борьбе за роль «властителя дум» и «продолжателя Достоевского и Толстого» М.А. Шолохов получил (при поддержке Ж.-П. Сартра) Нобелевскую премию по лит-ре. Возможно, именно борьба за положение «1-го рус. писателя» объясняет, последующее желание С. опровергнуть авторство Шолохова в создании «Тихого Дона». В янв. 1966 «Новый мир», несмотря на ссору с Твардовским, возмущенным попытками С. печататься во враждебных либеральному лагерю «Огоньке», «Лит. России» и «Москве», осуществил последнюю (до 18.10.1988) легальную публикацию С. в СССР – рассказ «Захар-Калита». Несмотря на поражение в борьбе за доминирование, лит. имя С. в конце 1960-х гг. оставалось самостоятельной силой. По ранее закрытым данным опроса, проведенного «Лит. газетой» среди своих читателей в 1967, С. находился среди четырех наиболее читаемых авторов.

Началом открытого похода властей против лит. «диссидентства» стал процесс против А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля в февр. 1966. В этот период С. жил в разл. местах (в купленном дачном домике в д. Рождество к юго-западу от Москвы, в Переделкине у К.И. Чуковского и др.), где пишет «Архипелаг ГУЛАГ», заверченный в 1968. В нач. 1966 С.

передал «Новому миру» рукопись «Ракового корпуса», в нояб. рекомендованную к печати собранием секции прозы Моск. отделения Союза писателей. Но это не принесло результата – повесть, в к-рой С. выдвинул свою версию «возбуждения рака» – сталинизма, красного террора, репрессий, – осталась под запретом. Зам. Твардовского В.Я. Лакшин вспоминал, что писатель «хоть и неохотно, но шел на компромиссы, чтобы печататься, хотел понравиться (и понравился) высшим руководством страны, бывал на приемах у секр. ЦК по идеологии, готовился принять, как заслуженную награду, Ленинскую премию... Займи руководство лично к нему более лояльную позицию, не помешай оно получить ему в 1964 Ленинскую премию, дай напечатать на родине “Раковый корпус” и “В круге первом” – и С. мы видели бы сегодня иным». (Лакшин В.Я. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Берега культуры. М., 1994. С. 352).

С 1966 началось «зависание» писателя, к-рый хотел добиться невозможного – быть «властителем дум» в лит-ре и позиционироваться в сфере политики. 22.5.1967 С. обратился с открытым письмом к делегатам IV съезда Союза писателей СССР, в к-ром указывал на вред цензуры и преследования, направленные против него лично. Именно с этого времени началась открытая борьба С. против сов. системы. Он начал записывать гл. эпизоды этой борьбы в «Очерках лит. жизни», к-рые позже получили назв. «Бодался теленок с дубом». Как объяснял позднее сам С.: «Я писал и рассылал это письмо – как добровольно поднимался на плаху. Я шел по их идеологии, но навстречу под мышкой нес же и свою голову». (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. Париж, 1975. С. 182). Действительно, внеш. слой «Теленка», соответствующий авторской концепции, представлял С. как «носителя Божьего промысла», избравшего путь борьбы и правдоискательства. Однако в тексте можно обнаружить и другого С. – борца, до последней использовавшего официал. возможности, и лишь затем перешедшего к открытому протесту.

В 1968 С. укрывался близ Солотчи, под Рязанью, где написал первый узел «P17» – «Август Четырнадцатого». В апреле «Раковый корпус» и «В круге первом» вышли за границу, в июне С. удалось передать на Запад микрофильм рукописи «Архипелаг ГУЛАГ», а в дек. С. узнал о присуждении ему в Париже премии «За лучший иностр. роман». Реакция со стороны властей последовала незамедлительно: 4.11.1969 С. был исключен из Рязанского отделения Союза писателей РСФСР, после чего обратился с открытым письмом к Союзу, резко критикуя членов Секретариата. «Открытое письмо Секретариату писателей РСФСР» стало последним из обращений С., в к-ром он выступал не против сов. строя и социализма, а за их оздоровление, демократизацию и гласность. В том же году С. написал в письме Твардовскому: «Всю жизнь свою я ощущаю как постепенный подъем с колен, постепенный переход от вынужденной немоты к свободному голосу. Так вот письмо Съезду, а теперь это письмо были такими моментами высокого наслаждения, освобождения души...» (Там же. С. 295). Исключение из Союза писателей ускорило исход С. в политику. Очевидно, что он с самого начала не придерживался установки, вдохновлявшей большинство диссидентов – «Соблюдайте ваши законы!». С. остается за рамками диссидентского движения, не желая попусту растрачивать ни свое время, ни свой авторитет. От 1968 к 1970 взгляды С. на правозащитные воззвания со всей очевидностью эволюционировали. В нач. июня 1970, когда был арестован и заключен в Калужскую психиатрич. больницу Ж.А. Медведев, входивший в то время в ближайшее окружение С., он написал свое первое собственно полит. письмо. Однако впоследствии С. вступался далеко не за всех. И дело тут не в симпатиях или антипатиях, скорее, речь шла о возможностях получить максимум полит. капитала от публичного выступления.

С. нашел приют у М.Л. Ростроповича в подмосковном дачном поселке Жуковка, где продолжал упорно работать. 1970 ознаменовался присуждением Нобелевской премии по лит-ре, однако С. отказался приехать на церемонию вручения в Стокгольм, поскольку опасался, что власти не пустят его обратно в СССР. В Нобелевской речи вслед за Ф.М. Достоевским С. повторил, что «Красота спасет мир», спасет, потому что становится не только мерой, но и орудием добра и истины. В статье «Мир и насилие», призванной

разъяснить основные положения Нобелевской лекции, С. сосредоточил свое внимание на зап. иллюзиях, искажающих, по его мнению, пропорции бытия противопоставлением мира и войны: «Война есть массовое, густое, громкое, яркое, но далеко не единственное проявление никогда не прекращенного многоохватного мирового насилия. Противопоставление же логически равновесное и нравственно-истинное есть: МИР – НАСИЛИЕ» (С ол же н и ц ы н А.И. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 138).

«Письмо всерос. Патриарху Пимену» стало рубежом, зафиксировавшим видимый вход С. в политику в том качестве, к-рое ему казалось наиболее подходящим – в роли духовного лидера, пророка и властителя дум. В послании Патриарху С. в очередной раз высказал свою излюбленную мысль о сопротивлении злу силой, и, прежде всего, силой духа, к-рую он развил в неопубликованном еще «Архипелаге».

В 1971 в Париже на рус. яз. вышел «Август Четырнадцатого», в 1972 на Запад был вывезен сценарий «Знают истину танки». 21.8.1972 С. написал «открытое письмо» мин. внутр. дел СССР с протестом против преследований, а 23 авг. дал интервью газ. «Монд» и агентству печати «Ассошиэйтед пресс», где вновь пожаловался на притеснения. После того, как в сент. 1973 С. узнал, что Е. Воронянская, к-рая перепечатывала «Архипелаг ГУЛАГ», повесилась после допросов в КГБ, он дал согласие печатать книгу на Западе. 28.12.1973 в Париже, в издательстве «ИМКА-Пресс» в свет вышел 1-й т. романа, сливший воедино разные жанры – новеллу и легенду, стихотворение в прозе и бытовой очерк, сатиру и проповедь, обвинительную речь и исповедь, лирику и эпос. В нем пересеклись 3 «истории» – история гос-ва, создавшего лагерную империю, история обывателей Архипелага и история автора, ставшего бунтарем. Впервые С., одержимому в своих произведениях реальностью, пришлось опираться на не всегда проверенные свидетельства. Так, один из самых ярких эпизодов «Архипелага» – бунт эзков в Кенгире – в ряде моментов не соответствовал ист. реалиям [См. документальную публикацию: К о к у р и н А.И. Восстание в Степлаге (май–июнь 1954) // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 33–82]. Тем не менее, «Архипелаг ГУЛАГ», ставший опытом художественного исследования гос. системы уничтожения людей в СССР, получил междунар. резонанс и повлиял на изменение обществ. сознания, в т.ч. на Западе. Целью С. было не только показать человеконенавистничество как суть и цель коммунистич. режима, но и утвердить христ. идеалы свободы и милосердия, обобщить опыт противостояния злу и сохранения души в царстве «колючей проволоки». «Архипелаг» заострил религ. проблематику всего творчества писателя, выявил его стержень – поиск свидетельств о человеке, его свободе, грехе, возможности возрождения, наконец, показал, что делом писателя является борьба за человеческую личность, Россию, свободу и жизнь на Земле. Особое место в романе занимают страницы посвященные Русской освободительной армии (РОА), где С. пошел до конца, поставив вопрос о соотношении понятий Родины и правительства, России и коммунистич. строя. Этот вопрос он решил путем противопоставления интересов рус. народа и коммунизма.

После выхода 1-го т. «Архипелага» в янв. 1974 кампания против С. в сов. печати достигла большого накала. 13 февр. после призыва к сопротивлению и отказу от всякой лжи («Жить не по лжи») С. был арестован, лишен сов. гражданства и выслан в ФРГ. В воззвании, появившемся одновременно с «Письмом вождям Сов. Союза», С. отстаивал позицию неучастия, резко негативного отношения ко всему, что идет сверху, говорил о необходимости внутр. освобождения. С. переоценил собственную известность в стране, считая, что его слово («Жить не по лжи» задумывалось как призыв к кампании гражд. неповиновения) могло реально сдвинуть обществ. события, напр., по примеру чехословацких.

В статьях, написанных в это время, С. предрекал крах социализма, вскрывал его нравственную и экон. несостоятельность, отстаивал религ. и нац. ценности. Эти же темы, как и критика совр. зап. об-ва, призыв к личной и обществ. ответственности были развиты в публицистике С. периода изгнания из СССР. Поселившись в Цюрихе, он 3 марта опубликовал «Письмо вождям Советского Союза», отправленное за полгода до этого рук-ву

СССР и призывавшее его положить конец идеологич. монополии марксизма. Сам автор объяснил, что «письмо родилось, развилось из единственной мысли: неизбежность грозящей нам нац. катастрофы» в виде ожидаемой в ближайшие 10–30 лет войны с Китаем и общей с зап. цивилизацией гибели «в тесноте и смраде изгаженной Земли» (Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Париж, 1974. С. 5,8). Выход из тупика, куда Россию, по мнению С., страну завело «точное следование рук-ва указаниям марксизма-ленинизма», лежит не в конвергенции с запа. миром, а в полной перестройке и Запада, и Востока. (Там же. С. 11, 19). При этом, по мнению С., «потребности внутр. развития несравненно выше для нас, как народа, чем потребности внеш. расширения силы», а на первый план выдвигаются «соображения внутр. нравственного, здорового развития народа...» (Там же. С. 35, 47). С., отстаивавший идею эволюц. преобразования закрытого об-ва, признавал за сов. вождями право остаться у власти. Именно таков должен быть механизм перехода от тоталитаризма к демократии. Аргументация была собрана отовсюду – от А.А. Амальрика и В.Н. Осипова, от «веховцев» и из первых докладов Римского клуба – и состыкована лишь в целях создания наукообразного фона для нек-рых прагматич. предложений. Гл. – стиль общения С. с вождями – «2-е пр-во» разговаривает с 1-м по вопросу о мирном переделе сфер влияния. В силу этого, реакция в оппозиц. кругах на «Письмо» была весьма неоднозначной. Напр., А.Д. Сахаров выступил против «изоляционистского» и «авторитарного» духа письма, а апелляцию к патриотизму отнес к «арсеналу официал. пропаганды». (Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» // Континент. 1975. № 2).

В июне 1974 С. объявил о создании «Рус. обществ. фонда помощи заключенным и их семьям», передав в него все гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ». Свое видение будущего России С. провозгласил в своем выступлении на пресс-конференции в Цюрихе в нояб. 1974, пафосом к-рого стала мысль, что «нужно сделать простой шаг: не участвовать во лжи». В этом же месяце изгнанник представляет сборник нац.-религ. направления «Из-под глыб», в к-ром ему принадлежат предисловие и 3 статьи. В них автор развил мысль о необходимости для России «внутр.» и органич. развития, призвал сов. интеллигенцию к самопожертвованию. Безболезненный переход к демократии С. виделся через авторитарную систему, не наносящую вреда духовной сущности человека, а выздоровление России – в роспуске Союза, возвращении к той узловой точке, откуда рос. историю повлекли задачи не внутр. развития, но внеш. расширения – терр., хоз. и воен. Следуя «веховской» традиции, С. пришел к выводу, что на образованный слой («образованцев»), весьма развитый интеллектуально и очень остро политически, но совсем не развитый духовно, нет надежды в деле освобождения. Тем самым он отрицал за «образованщиной» претензию на роль национальной элиты. Из потока слов предстал другой С. – идейный сторонник авторитаризма и политик, не верящий в демократию.

В апр. 1975 в Париже вышел «Теленок», 30 июня и 9 июля С. выступил перед амер. элитой в Вашингтоне и Нью-Йорке, а 15 июля его торжественно принимал Сенат США. Дав весьма неприглядную характеристику сов. системы вообще и идеологии, в частности, – «И теория, и практика коммунизма совершенно бесчеловечна» (Солженицын А.И. Американские речи. Париж, 1975. С. 19–22, 61–65) – С. обвинил Запад в сотрудничестве с СССР в 1941, к-рое упрочило сов. тоталитаризм и породило китайский. Признавая необходимость разрядки («...нужна как воздух. Это единственное спасение Земли»), одновременно он призвал помнить, что «концентрируется Мировое Зло, огромной ненависти и силы. Оно растекается по Земле, и надо стать против него» (Там же. С. 42, 48). Это «бремя лежит на плечах Америки. Поступь истории, хотите вы этого или нет, возложила на вас руководство миром...», одна из самых страшных опасностей к-рого «в том и состоит, что судьбы мира как никогда связаны в единый клубок...» (Там же. С. 100).

С. прибыл на Запад в то время, когда происходило новое сплочение сил против «сов. угрозы». Появление в такой ситуации недавнего Нобелевского лауреата и диссидента, прославленного борьбой с коммунистич. властью, привлекло внимание влиятельных американцев. Весной 1976 С. совершил европейское турне, посетив Великобританию,

Францию и Испанию, в ходе которого резко критиковал левые силы, в ответ получая оскорбления и обвинения в сотрудничестве с правыми. Это турне знаменовало окончательный разрыв с европейскими левыми, годами стойко защищавшими С. от гонений в СССР.

Одновременно с общественной деятельностью С. не прерывал лит. работы. В окт. 1975 в свет вышла работа «Ленин в Цюрихе», а также избранные главы из 1-го и 2-го «узлов» ист. эпопеи «Р17», получившей затем назв. «Красное колесо». В окт. 1976 С. покинул Цюрих и переехал в США, где поселился близ городка Кавендиш (штат Вермонт). Здесь он работал по 10–16 часов в день. В 1976–79, стараясь не привлекать к себе внимания, С. посетил различные университеты США, обладающие рус. архивными фондами, упорно работая над «Красным колесом». В 10-томном «Красном колесе» (1971–91), на огромном фактич. мат-ле он рассмотрел причины рев-ции (слабость власти, упадок религии, обществ. радикализм) и ее ход, проанализировал полит. и идеологич. платформы разл. партий и групп, обосновал возможность альтернативного ист. развития России. В романе ист. главы, детально рисующие конкретные события и участвующих в них лиц, перемежаются главами романическими, посвященными судьбам персонажей «вымышленных», но, как правило, имеющих прототипов. Среди последних особое место занимают Саня Лаженицын и Ксения Томчак, в к-рых узнаются родители С. Изображая любого ист. персонажа, С. стремился с максимальной полнотой передать его внутр. строй, побудительные мотивы действий, его внутр. «правду». При этом не устранялась и авторская оценка: в рев-ции, понимаемой как торжество зла, виноваты все (а более других – власть), но виновные не перестают быть людьми, личности не сводятся к полит. «личинам». Причину нац. и мировой катастрофы С. видит в отходе человечества от Бога, небрежении нравственными ценностями, своекорыстии, неотделимом от властолюбия, и приверженности химерам об установлении «всеобщего благоденствия» на Земле. Здесь С.-историк сходится с С.-публицистом, «растворяясь» в последнем, последовательно критикующим с христ. и либеральных позиций издержки совр. цивилизации Запада. Художнику следовало бы романтизировать общину, но как политику С. больше нравится П.А. Столыпин, разрушавший ее.

В 1977 основал «Всерос. мемуарную б-ку» и серию «Исследования новейшей рус. истории». В мае 1978, нарушив долгое молчание, С. выступил в Гарвардском ун-те, осуждая зап. идеал счастья как благополучной жизни и комфорта и объявляя корнем зла зап. гуманизм. В интервью Би-Би-Си по случаю 5-й годовщины высылки из СССР, С. уточнил свою новую концепцию Февр. рев-ции 1917: он видит в ней катастрофу, гл. виновники которой – рус. либералы. Он утверждал, что подлинное моральное освобождение личности происходит в России – через отказ от лжи. Очевидна подчиненность демократии нравственным целям жизни, ощущаемая уже в «Письме вождям». Отсюда и первенство нации над идеологией – линия, начатая в сборнике «Из-под глыб» и завершающаяся резким осуждением рус. либералов за Февраль 1917 в радиоинтервью компании Би-би-си в февр. 1979. Атака на слабость демократии и вседозволенность прессы напоминала самые резкие высказывания К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева и И.А. Ильина. Но было и существенное отличие – С. критиковал не Запад как таковой, а его слабости. Для него основное содержание мирового кризиса лежало вне сферы политики и представляло собой кризис религиозности. Поэтому его преодоление связано с грядущим коренным поворотом – христ. возрождением, осознаваемым как переход на новую антропологич. ступеньку.

За границей и на родине личность и творчество С. вызвали множество как восторженных, так и резко критич. книг и статей. Так, выступления писателя против «слабости» Запада вызвали резкие возражения, в т.ч. и в эмигрантской среде. Весной 1980 французский историк русского происхождения Б. Суварин (Б.К. Лившиц) отметил множество ошибок в книге «Ленин в Цюрихе», затем в полемику с С. вступил амер. историк Р. Пайпс. С., несмотря на все старания, не сумел занять ведущее место в эмиграции. Ответом на обострившуюся в 1981 критику С. со стороны эмиграции, инициированную А.Л. Яновым, стал уход от активной полит. деятельности и завершение в 1982 работы над новым

вариантом «Августа Четырнадцатого» и над «Октябрем Шестнадцатого». В мае 1982 С. был приглашен на обед к през. США Р. Рейгану, но отказался. Это был своеобразный протест против политики мировой империи, навязывающей миру свои антигуманные принципы существования, что находилось в явном противоречии с утверждениями 1975. В мае 1983 С. получил в Англии Темплтоновскую премию «За вклад в развитие религ. сознания», а также начал публикацию трех первых «узлов» в Париже. В «Вестнике рус. христианского движения» (1983. № 139) опубликован отрывок из 2-го тома «Очерков лит. жизни» под заголовком «Наши плюралисты», направленный против идеол. противников в среде рус. эмиграции и вызвавший острый ответ Сияевского во франц. печати. В 1985 кампания против С. продолжилась: журн. «Комментарии» опубликовал статью Н. Подгореца «Странный вопрос об Александре Солженицыне», в к-рой отмечается «сочетание мании величия с эгоизмом», а на Всемирном конгрессе славистов в Вашингтоне прошел публ. диспут на тему «Антисемит ли С.?».

В ряду многочисленных и взаимоисключающих характеристик С. как писателя можно отметить такие, как: «великий», «исписавшийся», «соцреалист», «завершитель вел. рус. классич. лит-ры». Не менее противоречивы его оценки как политика («глава диссидентского движения», «лидер рус. партии», «парт. публицист») и духовного лидера: «идеолог русского возрождения», «пророк России» «лжепророк», «аятолла России», «Вел. Инквизитор» или «Сергий Радонежский сегодня».

Отход С. от активной деятельности трактуется как «маневр умолчания», связанный с необходимостью разработать новую стратегию, тактику и определить новую позицию в политике, к-рая позволила бы эффективно бороться за доминирование в ситуации посткоммунистич. России. Та идея, что коммунизм падет, а он вернется живым в Россию, проходит красной нитью у С. из интервью в интервью. За несколько недель до смерти Брежнева, в кон. сент. 1982, С. поставил жесткий диагноз перспективам строя в статье «Коммунизм к брежневскому концу», опубликованной в японской газете «Иомиури». Опасения «нового Февраля», чреватого «новым Октябрем», обусловили настороженное отношение С. к перестройке М.С. Горбачева. Со своей стороны сов. власти всячески препятствовали возвращению книг С. на родину, а сформулированные «левой эмиграцией» обвинения в «монархизме», «национализме» и «изоляционизме» повторялись и варьировались многочисленными сов. публицистами сер. 1980-х гг. Уже были даны анонсы публикаций «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака и «Реквиема» А.А. Ахматовой, но книги С. оставались под запретом. Лишь январский (1987 г.) пленум ЦК КПСС привел в движение силы, изменившие статус С. Публикация «Ивана Денисовича» была апогеем хрущевских реформ в области лит-ры, и замалчивать имя С. далее не представлялось возможным. В янв. книжке (1988) «Лит. учебы» известный литературный критик И.И. Виноградов впервые в открытой сов. печати упомянул имя С. среди писателей-эмигрантов, чей вклад в рус. культуру, по его мнению, не оценим. Июньский номер «Нового мира» вышел с подборкой из «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова, во введении к которым автор поставил С. в один ряд с Л.Н. Толстым. В июле 1988 в Москве открылась выставка И.С. Глазунова, на к-рой была представлена его «Мистерия XX века», среди фигур к-рой был изображен С. в тюремной робе.

11.12.1988 в Москве состоялся вечер, посвященный 70-летию С., за к-рым последовало обращение 60 деятелей культуры и писателей (С.С. Аверинцев, А.Г. Битов, В.Г. Распутин, Н.Я. Эйдельман и др.) к Горбачеву с протестом против задержки публикации «Архипелага» в журн. «Новый мир». Др. группа писателей предложила Секретариату правления Союза писателей СССР восстановить С. в рядах Союза. Эти события послужили толчком: в февр. 1989 «Век XX и мир» напечатал текст «Жить не по лжи», а альманах «Кубань» начинает публикацию «путеводителя» по произведениям С. В июле «Новый мир» благодаря его ред. С.П. Залыгину опубликовал Нобелевскую лекцию С., а с № 8 начата публикация «Архипелага ГУЛАГ».

1990 можно считать «годом С.»: в лит. журналах началась массовая публикация его произведений; летом ему было возвращено сов. гражданство. В 1990 в изд-ве «Сов. писатель» вышел полный текст «Архипелага», «Новый мир» начал публикацию романа «В круге первом», а журн. «Звезда», «Наш современник» и «Нева» приступили к публикации «Красного колеса». Пред. Совета министров РСФСР И.С. Силаев обратился к С. с приглашением посетить Россию. Но тот отказался, направив в Россию для публикации свой манифест «Как нам обустроить Россию?», к-рый оказался всего лишь выжимкой из «Красного колеса», еще одной в ряду др. программ с апелляцией к истории. В опубликованной в сент. 1990 в «Лит. газете» и «Комсомольской правде» брошюре С. предупреждает о трудностях выхода из-под коммунистич. гнета: «Часы коммунизма свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула», поэтому «разумное и справедливое построение гос. жизни – задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом постепенных приближений и нащупываний». (С ол ж е н и ц ы н А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990. С. 5, 59). Напоминая об угрозе взрыва межнац. войн, говоря о необходимости уточнить границы, заняться переселением, он предлагает постепенный переход от скомпрометировавшей себя сов. системы к земству. В этом сказалось стремление писателя остаться «принципиальным провинциалом, по образу жизни и по образу мысли» («...Совпадает с Россией»: интервью с А.И. Солженицыным // Владивостокское время. 1994. 4 июня. С. 6).

В 1990 С. присуждена Гос. премия РСФСР за «Архипелаг ГУЛАГ», но он от нее отказывается: «Эта книга – о страданиях миллионов, и я не могу собирать на ней почет». (Известия. 1990. 12 дек.). С. не хотел солидаризоваться с режимом, пошедшим по зап. пути модернизации. Он не спешил на Родину, чтобы заняться практич. полит. работой, и сразу после авг. событий 1991, которые в письме С.С. Говорухину назвал «Вел. преображенной рев-цией». Вышедшие к 1991 на Западе 10 тт. «Красного колеса» побили все рекорды в амплитуде нежелания его принимать: от нарочитого молчания до издевательств и ругани. «Властитель дум 60-х» терял в читательском сознании авторитет с катастрофической, прежде в истории лит-ры невиданной, быстротой. Более того, для большинства поклонников С. и в эмиграции, и в России, его «слово» было действительно в годы борьбы с «коммунистич. Левиафаном», но в рамках плюралистической полит. модели оно уже казалось малоэффективным.

Вернувшись с семьей на Родину в мае 1994, С. в настоящее время живет и работает в Москве. В 1994, пытаясь повлиять на совр. рос. политику, он встретился с през. России Б.Н. Ельциным. Вернувшись из вынужденной эмиграции на Родину, С. заявил, что отныне он будет в своей родной стране не гостем, а «запряженным хозяином». И даже – «Мечом Божьим», т.е. Моральным судьей, решительно отметающим зло и утверждающим добро во благо Отечества. Выступая перед деп. Гос. думы 28.10.1994, С. отметил, что рассматривает ее деятельность как продолжение той линии развития, к-рую начали предыдущие четыре Думы на пути «к демократии, то есть к полной власти народа над собственной судьбой». Еще раз подчеркнув, что «власть – это тяжелое бремя, это ответственность, обязанность и труд», С. выразил надежду, что «путь к исцелению России не закрыт», и народ «одолеет и этот новый вид духовной заразы и презренных соблазнов» (С ол ж е н и ц ы н А.И. По минуте в день. М., 1995. С. 155, 160, 172).

В апр.–сент. 1995 по каналу ОРТ каждые 14 дней передавались 15 минутные беседы с С., посвященные деятельности Думы и порокам рос. избирательной системы, победе над фашизмом и системе школьного образования, истории рос. профсоюзов и чеченской проблеме, казачеству и рус. диаспоре в Ближнем зарубежье. При этом С. понимал, что «правда вслух не нужна – ни исполнит. власти, ни законодательной, ни новым ден. мешкам, которые уже и управляют из темноты», а свободу слова в постсов. России продолжают понимать, как и раньше, как свободу слова «для своих». (Там же. С. 93). Передача, посвященная причинам разочарования народа во власти, намеченная на 2 окт., была снята с эфира. Хотя, согласно комментариям прессы, в этих речах не видно бывшего С.,

раскрывавшего сущность отношений, мифологизированных доминирующим классом, вытягивавшего на свет вытесненное и репрессированное. К моменту закрытия передачи ее рейтинг, и без того не высокий, значительно упал. 17.12.1995 С. не пошел на избирательный участок голосовать, назвав в интервью ИТАР-ТАСС выборы «несправедливыми». О С. заговорили, что он не понимает политической действительности и не ориентируется в реалиях современной России. Политики посткоммунистической формации не желали отдавать завоеванные позиции вернувшемуся из эмиграции изгнаннику, претендовавшему на роль лидера. Впрочем, и сам С. занял весьма уязвимую позицию, если исходить из отеч. традиции, согласно к-рой писатель должен не разъединять, а объединять народ. Поэтому пророк – он для всех (даже если его не слушают, а то и побивают камнями), а лидер партии – изначально для части народа. Тексты С. наглядно демонстрировали его принадлежность к политике, при том, что писатель открыто отрицал свои политические устремления. Это вводило в заблуждение многих исследователей его творчества, приходивших (в зависимости от симпатий и антипатий) к выводам типа «вел. писатель, но в политике смешон» или «он – политик в литературе, и литератор – в политике».

Вновь из затишья писатель вышел в апр. 1996, когда призвал голосовать против обоих основных фаворитов, что сближало его с движением «Нет», возглавляемым из Лондона В.К. Буковским. В нояб. 1996 С. вернулся к старой тактике, принесший успех в сов. годы – публикации текстов на Западе. Статья «К нынешнему состоянию России» вышла сначала в парижской «Монд» и лишь потом появилась в России. В ней С., дав обзор событий с окт. 1993, пришел к более широкому выводу, что «весь разрушительный ход событий в России за последние 10 лет произошел от того, что власти, бездарно заимствуя посторонние образцы, полностью пренебрегли как самостоятельностью народа, так и его менталитетом и всеми многовековыми духовными и обществ. традициями России». (Солженицын А. И. К нынешнему состоянию России // Экспресс-хроника. 1996. 6 дек. С. 1). Но осуждение на этот раз «бессовестных» методов капитализации России, в основе которого просматривались исконное бунтарство и жажда доминирования писателя, не находили поддержки ни у власти, ни в широких слоях населения.

В 1997 благодаря усилиям С. в Москве был создан Фонд-б-ка «Рус. зарубежье». Продолжает существовать и Солженицынский фонд. Весной 1998, когда в России праздновался 80-летний юбилей С., он завершил книгу «Россия в обвале», к-рая продолжила серию крупных публицистич. работ предыдущих лет о положении в нашей стране и проектах обществ. преобразований. Выступая как «один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России», С. заключал, что «Отечество – это то, что произвело всех нас. Оно – повыше, повыше всяческих преходящих конституций ... Оно – достояние десятков поколений, прежде всего нас и после нас» (Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С. 3, 204).

В 1998 С. был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, однако от награды отказался, мотивировав это тем, что «от верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу» (Коммерсант-daily. 1998. 15 декабря).

В 2000 состоялась встреча С. през. России В.В. Путиным, но практич. результатов она не принесла. В 2001–02 изд-во «Рус. путь» выпустило исследование писателя «Двести лет вместе (1795–95)» (в 2-х т.) о том, как русские и евреи жили вместе в одном рос. гос-ве. Осуществилась большая работа С., в к-рой приводятся малоизвестные факты, касающиеся рус.-еврейских отношений, рассматривается «очень резкое столкновение рус. и еврейской публицистики» в кон. 20 в. В 2006 писатель награжден Государственной премией РФ за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности.

Очередной демонстративный уход писателя из политики в начале 2000-х гг. стал, по прозвучавшим в СМИ оценкам представителей различных убеждений и полит. пристрастий, свидетельством того, что ему не удалось осуществить свои претензии на роль «пророка в своем Отечестве» и доказать себе и др. свою исключительность. Постсов. действительность не затребовала С. как политика, а резкий крен в публицистику сказался на его писательском

рейтинге. На фоне идеологич. и лит. процессов, происходящих в совр. России, для мн. аналитиков стала очевидна не только противоречивая вторичность мировоззренч. установок С., но и их компилятивность из подчас несочетаемых идей славянофильства, толстовства, народничества и консерватизма. Собственной мировоззренческой системы, считают они, С. не создал, в силу того, что является в большей степени публицистом-обличителем, нежели художником и мыслителем.

Соч.: Автобиография // Советская библиография. 1991. № 3; Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 1–7; Собрание сочинений: в 9 тт. М.: Терра, 2000.

Лит.: Панин Д.М. Записки Вологодина. Франкфурт-на-Майне, 1972; Он же. Солженицын и действительность. Париж, 1975; Ржевский Л.Д. Творец и годы: Очерки к творчеству А. Солженицына. Франкфурт-на-Майне, 1972; Медведев Ж.А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973; Плетнев Р. А.И. Солженицын. Париж, 1973; Лопухина-Родзянко Т.А. Духовные основы творчества Солженицына. Франкфурт-на-Майне, 1974; Зильберберг И.И. Необходимый разговор с Солженицыным. Сассекс, 1976; Копелев Л.З. Утоли моя печали. М., 1991; Коган Э. Соляной столп: Политическая психология Александра Солженицына. Париж, 1982; Краснов-Левитин А.Э. Два писателя. Париж, 1983; Фельштинский Ю.Г. Солженицын и социалисты. Нью-Йорк, 1983; Шнеерсон М.А. Александр Солженицын: Очерки творчества. Франкфурт-на-Майне, 1984; Геллер М.Я. Александр Солженицын: (К 70-летию со дня рождения). Лондон, 1989; Нива Ж. Солженицын. М., 1992; Мешков Ю.А. Александр Солженицын: личность, творчество, время. Екатеринбург, 1993; Решетовская Н.А. Отлучение: из жизни А. Солженицына: Воспоминания жены. М., 1994; Флегон А. Солженицын – Пророк? Бишкек, 1994; Чалмаев В.А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество. М., 1994; Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд: (К 80-летию со дня рождения). М., 1998.

И.Б. Орлов